

На правах рукописи

Замолодская Оксана Михайловна

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ
«ТЕРРОР/ТЕРРОРИЗМ»**

Специальность: 09.00.11 – Социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2013

Работа выполнена на кафедре современных проблем философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

Научный руководитель:

АЛЁШИН АЛЬБЕРТ ИВАНОВИЧ

доктор философских наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет, профессор кафедры современных проблем философии факультета философии

Официальные оппоненты:

ИВАХНЕНКО ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор философских наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет, заведующий кафедрой социальной философии факультета философии

МЧЕДЛОВА МАРИЯ МИРАНОВНА

доктор политических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, профессор кафедры сравнительной политологии факультет гуманитарных и социальных наук

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук.

Защита состоится 20 июня 2013 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.198.05, созданного на базе РГГУ, по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 7, ауд. 228.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 6.

Автореферат разослан 20 мая 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

В.М. Карелин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации осуществляется реконструкция исторических смыслов понятия «террор/терроризм», позволяющая лучше понять социальную природу этих важнейших явлений, во многом определяющих координаты современного общественного бытия.

Актуальность темы. Террор и терроризм сегодня изучаются не только и не столько в академическом контексте. Криминалисты и военные эксперты исследуют технологии террористической и антитеррористической борьбы. Юристы занимаются осмыслением правового статуса различных видов современного терроризма. Политики разрабатывают политические стратегии противодействия угрозе террора.

В научном поле проблеме террора/терроризма посвящено множество работ, написанных политологами, правоведами, историками, социологами, социальными психологами, культурологами, философами и т.д. При этом даже лучшие дефиниции террора/терроризма страдают неполнотой. Нет ясности относительно того, образуют ли эти слова единое смысловое целое, или являются различными понятиями. Не в последнюю очередь это происходит потому, что акцент делается исключительно на изучении фактической стороны террористической деятельности, а не на ее осмыслении в обществе. В частности, исследуются те или иные разновидности террора/терроризма, создаются классификации, анализируются социально-политические предпосылки терактов и идеологические основания политики террора. Одним словом, изучается, прежде всего, сам феномен, а не способы его репрезентации и концептуализации в интеллектуальной культуре, социально значимых дискурсах, публичной сфере и в области повседневного общения. Ведь помимо самих фактов экстремизма и применения политического насилия существует еще конструирование представления об этих практиках в общественном сознании. Кроме самого феномена террора/терроризма, существует еще понятие, контекст его понимания и

истолкования, а также – общественно-политическая дискуссия о его смысле, комплекс эмоциональных реакций и дискурсивного оформления суждений о нем.

Этот интеллектуальный пласт оказывается крайне запутанным и плохо изученным. А между тем, именно от интерпретации понятий такого типа, которые можно отнести к фундаментальным понятиям нашей общественной жизни, во многом зависит то, как структурируется социальное знание об обозначаемых ими явлениях. Следовательно, в какой-то мере понимание и применение таких понятий будет определять социальные действия и практики. «Террор/терроризм» оказывается понятием, наделенным мощнейшим социально-практическим потенциалом. Именно то, как такое понятие наполняется смыслом, зачастую определяет стратегии власти («антитеррористические операции»), социальные практики (виды протестных акций, методы политического воздействия, структуры национальной безопасности и комплексы мер, связанных с угрозой терроризма), а также характер социальной критики и политической борьбы, включая международные, межнациональные и цивилизационные конфликты.

С этой точки зрения, **степень научной разработанности** проблемы на данный момент следует признать недостаточной.

Разумеется, все историки революционного движения, в частности, историки Великой Французской революции, сталкивались с проблемой трактовки исторического понятия «террор». Крупнейшие из них (Ф. Минье, Т. Карлейль, А. де Токвиль, О. Кошен, А. Олар, А. Собуль, Ф. Фюре и др.) уделяли большое внимание реконструкции того, как террор концептуализировался в годы революции, стараясь отделить это понимание от его позднейших интерпретаций. При этом трактовки понятия в исторических трудах все равно испытывали сильное влияние идеологической и методологической позиции историка. Специализированные исторические исследования понятийного комплекса, связанного с феноменом террора/терроризма, также ведутся довольно давно. Стоит выделить

комплексные работы по изучению эволюции понятия в странах Европы и России, выполненные в рамках немецкой школы истории понятий (О. Брунер, В. Конце, Р. Козеллек, Р. Райхардт и др.), в частности, соответствующие статьи в словарях «Исторические понятия: исторический лексикон социально-политического языка в Германии»¹ и «Справочник социально-политических понятий во Франции 1680-1820»².

Однако история понятий как таковая, крайне бережно относящаяся к мельчайшим поворотам в исторической семантике слов «террор» и «терроризм», в целом ограничивается дескрипцией, избегая целостной концептуальной реконструкции эволюции понятия от его зарождения в эпоху Французской революции до наших дней. Эту концептуальную социально-философскую основу историческому анализу помогают придать работы современных философов, посвященные феномену террора/терроризма (Ж. Бодрийяр, С. Жижек, П. Вирильо, С. Бак-Морс, Ж. Деррида, Б. Гройс, М. Рыклин, В. Подорога и др.).

Объединение двух указанных перспектив (диахронной исторической и синхронной социально-философской) позволяет нам подойти к целостной аналитике данного понятия. Кроме того, совмещение исторического и теоретического подхода к проблеме позволяет различить объект и предмет исследования.

Объектом в этом контексте являются тексты и устные высказывания политиков, общественных деятелей, писателей и мыслителей конца XVIII - начала XXI вв., существенно повлиявших на трансформацию семантики понятия «террор/терроризм». В орбиту проводимого анализа вовлекаются факты не только интеллектуальной культуры и искусства (например, кинофильмы), но и характерные явления массовой культуры (телепередачи,

---

¹ Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck (Hrsg.). Stuttgart: Klett-Cotta, 1972–1997.

² Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680-1820. Hg. Reichardt R. Munchen, 1985.

телефильмы и проч.), которые могут свидетельствовать о понимании исследуемого концепта на уровне ментальных структур общества на том или ином историческом этапе развития его семантики.

Поскольку понятие «террор/терроризм» является интернациональным, мы не ограничивали материал для анализа только материалом русской истории и общественной мысли, стараясь при этом подчеркивать специфику его трактовки применительно к отдельным историческим контекстам.

Предметом изучения в работе стали реконструируемые нами значения и смыслы понятия, характерные для рассматриваемых эпох, а также процедуры их рецепции и вызываемые ими импликации. Понятие не существует вне тех общественных дискурсов, которые оперируют им с определенной целью. Поэтому предметом нашего внимания постоянно становится социально-политическая борьба различных дискурсов в обществе, репрезентирующих определенные идеологические позиции в социальном поле, а также то, какую роль в этой борьбе играли истолкование и оценка понятия «террор/терроризм». В этом смысле глубинным предметом нашего интереса является социально-политическая прагматика, стоящая за дискурсивными стратегиями общественных сил, использующих и концептуализирующих данный феномен.

Материал для анализа составил широкий круг источников, в частности, тексты и речи революционных деятелей (М. Робеспьера, А.И. Герцена, Ф. Энгельса, С.М. Степняка-Кравчинского, Равашоля, Б.В. Савинкова, Л.Д. Троцкого, Р. Люксембург, В.И. Ленина, И.В. Сталина, Э. Гевары, К. Маригеллы и др.); философов и публицистов, чьи идеи формировали или раскрывали новые исторические смыслы понятия (Л.А. Тихомирова, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра, А. Камю, Г. Дебора, Ж. Бодрийяра и др.); художественные произведения (тексты И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Б.В. Савинкова, Л.Н. Андреева, Б. Акунина; фильмы К. Шаброля, Р.В. Фассбиндера, Т. Гиллиама, Д. Финчера, М. Пеллингтона, бр. Вачовски и др.).

Целью работы является социально-философская реконструкция исторических истоков и анализ процесса трансформации понятийного комплекса, именуемого «террор/терроризм», от момента его возникновения до современности.

Исходя из указанной цели, формулируются следующие **задачи** исследования:

1. Обосновать подход к изучению социальной природы террора/терроризма через посредство анализа исторического понятия как особого предмета социально-философского исследования.

2. Проследить трансформацию исторического смысла понятия, исследуя поворотные пункты его смысловой эволюции.

3. Исследовать современные социальные координаты, в которых раскрывается актуальное для наших дней понимание феноменов террора и терроризма.

4. Проанализировать идеологический потенциал понятия в разных исторических обстоятельствах и механизмы формирования господствующих точек зрения на его сущность.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили:

– подходы к изучению исторической семантики в рамках немецкой школы истории понятий Р. Козеллека;

– современная критическая теория дискурса в сочетании с анализом идеологий и исследованием процессов формирования дискурсивно-идеологической гегемонии (М. Фуко, М. Пешё, П. Серию, Э. Лакло, Ш. Муфф, Т. ван Дейк и др.).

– философская критика и философская антропология насилия (Ж. Сорель, В. Беньямин, Ж. Батай, Р. Жирар);

– социально-политическая теория революции, теория власти и аналитика «чрезвычайного положения» (К. Шмитт, Х. Арендт, Дж. Агамбен, К. Лефор и др.).

Новизна диссертационного исследования заключается в том, что в рамках предлагаемого подхода внимание сосредоточивается на интеллектуальных контекстах бытования понятия «террор/терроризм» в России и Западной Европе в постпросвещенческую эпоху, а также импликации в сфере идеологии и повседневном ментальном горизонте обществ эпохи модерна. С этой точки зрения становится очевиден целый ряд неопределенностей и противоречий в современном понимании феноменов террора и терроризма, обусловленных внеисторическими и зачастую идеологически ангажированными его трактовками. Осознание революционных истоков террора/терроризма, а также последующей дифференциации понятий террор и терроризм, сопровождающейся их отрывом от революционной традиции многое меняет в понимании современных форм экстремального политического насилия.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Понятие «террор/терроризм», зародившееся в ходе Великой Французской революции, является синкретичным применительно к характеристике крайнего революционного насилия, и становится дробным и многозначным вне революционного контекста – в условиях относительной социальной стабильности. Со временем, в первой трети XX века, это приводит к разделению единого концепта на два самостоятельных понятия - «террор» (в смысле «системный террор государства») и «терроризм» (в смысле «антисистемное политическое насилие малых групп»).

2. В течение XX века автономные по отношению друг к другу понятия «террор» и «терроризм» постепенно отпадают от легитимирующей их революционной парадигмы, вследствие чего аксиологически девальвируются и приобретают однозначно пейоративную смысловую окраску.

3. Понятия функционируют как мощные идеологические инструменты как в контексте собственно революционной борьбы, так и в мирном социально-политическом пространстве. Их применение позволяет раскрыть

механизмы формирования дискурсивной гегемонии той или иной (например, революционной или охранительной) точки зрения в общественном сознании.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что выработанный в ней подход может послужить основой для социальной экспертизы и диагностики преобладающих настроений, позиций и высказываний, касающихся современных террористических форм политического насилия. Такая социальная оценка затруднена из-за господства идеологических установок, не позволяющих разобраться в подлинной сути сегодняшних протестных, повстанческих и других движений, обвиняемых в «терроризме», а также «чрезвычайных» действий государственной власти, порой использующих средства подавления, близкие к тем, которые могут быть квалифицированы как «террор».

Результаты исследования могут быть использованы для разработки учебных курсов, посвященных исследованию социальной природы террора, терроризма и иных форм общественно-политического насилия.

Апробация работы регулярно проводилась автором на различных научных мероприятиях, в частности:

- «Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности», Москва, Институт бизнеса и политики, 2009;
- «Гуманитарные чтения РГГУ – 2009». Секция «Теория и методология гуманитарного знания»;
- «Дни аспирантуры РГГУ», 2010 и 2011;
- Межвузовская конференция студентов и аспирантов «Гуманитарное измерение глобализации», РГГУ, 2010;
- «Conversion in Russian Cultural History of the 19th and 20th Centuries», Фрибур, Университет Фрибура, Швейцария, 2011.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень разработанности проблемы, формулируются цели и задачи исследования, определяются его теоретико-методологические основы, конкретизируется используемый терминологический аппарат.

Первая глава «Современная концептуализация террора и терроризма и теоретические предпосылки их рассмотрения в социально-философском аспекте» посвящена постановке проблемы социально-философского анализа исторического становления интересующего нас понятийного комплекса как необходимого условия понимания социальной природы террора/терроризма.

В первом параграфе анализируются возможности теоретического и исторического подходов к проблеме, в частности, к обсуждению вопроса, являются ли сегодня «террор» и «терроризм» единым понятийным комплексом или различными понятиями.

С этой целью предпринимается анализ современных словарных значений слов «террор» и «терроризм», реконструкция значений этих слов в современной социально-политической публицистике и научно-исследовательских работах историков, политологов, социологов, культурологов и т.п.

Делаются выводы о дефиците рефлексии над данным понятием, его семантической расплывчатости, недостаточной определенности. Оказывается, что имеющиеся определения в большинстве своем не являются универсальными не только в теоретическом или историческом смысле, но даже не покрывают тех значений понятия/понятий, которые существуют в современном обществе (в синхронном срезе). Недостаточными для их понимания оказываются как стремление дать интегральное определение понятиям «террор» (практика политического насилия и устрашения) и «терроризм» (политика, ориентированная на такую практику), так и жестко теоретически дифференцировать эти понятия. Вряд ли удовлетворительна и

установка на последовательный историзм в определении террора и терроризма (позиция О.В. Будницкого и некоторых других историков), поскольку она не учитывает исторического развития самого понятия, со временем распавшегося на две самостоятельные семантические единицы.

Поэтому для выработки синтетического историко-теоретического подхода, предполагающего реконструкцию исторической семантики понятия, предлагается обратиться а) к квалифицированному теоретико-методологическому аппарату современной социальной философии; б) к методологии истории понятий, позволяющей анализировать понятия в живом интеллектуальном контексте эпохи и их «обратной связи» с обозначаемыми ими явлениями; в) к современной социальной теории дискурса, дающей инструментарий для интерпретации понятия в конкретном социально-историческом контексте его бытования.

Во втором параграфе мы предпринимаем попытку локализовать смысл понятия «террор/терроризм» в ряду иных фундаментальных социально-философских конструктов эпохи модерна, таких как революция, чрезвычайное положение, насилие, диктатура, тоталитаризм с опорой на теоретические работы К. Шмитта, Х. Арндт, В. Беньямина, Ж. Лакана, Р. Жирара, Дж. Агамбена, С. Жижека.

Высказывается предположение о том, что террор, будучи порожден революцией, с одной стороны, вместе с нею проникал во все сферы жизни современного социума, с другой стороны, вытеснялся на периферию поля социальной активности вообще и революционного (левого по преимуществу) дискурса. Он, в частности, все более ассоциировался с «темными сторонами» современной социальности – социальным волюнтаризмом, политическим экстремизмом различных мастей, «грязными» политическими технологиями, насилием, подавлением, репрессиями государства и т.п.

Однако конкретные механизмы идеологического манифестирования и «продвижения» террора/терроризма как метода борьбы или противоположных охранительных позиций становятся видны только в свете

выявления дискурсивных стратегий тех или иных субъектов и сил в социально-политическом пространстве конкретной эпохи. Поэтому мы считаем уместным рассмотреть судьбу «террора/терроризма» как значимого конструкта социального знания с точки зрения функционирования исторических языков, подходы к которому намечают «история понятий» и современная теория дискурса.

Именно этой проблеме посвящен третий параграф главы.

Современные социальные исследования располагают методологией, которая позволяет «разместить» проблему в двух плоскостях – диахронии и синхронии.

Диахронную перспективу дает упомянутая «история понятий» (в версии школы Р. Козеллека)³, рассматривающая понятия не просто как слова, с той или иной точки зрения значимые для социальной истории и истории культуры, но как инструменты социального конструирования реальности. Интересующее нас понятие в этой системе координат является одним из ключевых, поскольку, с одной стороны, репрезентирует террористические практики в дискурсах и, с другой стороны, влияет на формирование политики и социальных стратегий, вынужденных учитывать террор/терроризм в качестве существенного фактора социальной жизни (охранительных, переговорных, критических).

Синхронную контекстуализацию понятия позволяет осуществить современная социальная теория дискурса (подходы Ш. Муффа, Н. Фэрклоу, Т. ван Дейка, Р. Водак и др.)⁴. В рамках данной теории различаются

---

³ См. Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI - XX века. Вып. 5. СПб: Алетейя, 2006. С. 33-53; Koselleck R. Futures Past. On the Semantic of Historical Time. Cambridge MA: MIT Press, 1985; Koselleck R. Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006.

⁴ Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: towards a Radical Democratic Politics. London : Verso, 1985; Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989; Водак Р. и др. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009; Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

различные аспекты (уровни) существования социальных дискурсов. На уровне «политического» (в терминах Муфф) понятие террор/терроризм существует в поле борьбы политических позиций и идеологий (в том числе и в качестве идеологического средства). В этом поле, как правило, происходит становление «дискурсивной гегемонии» (это понятие Антонио Грамши используют Ш. Муфф, Э. Лакло и Т. ван Дейк) той или иной позиции, относительно которой размещаются остальные. В этом смысле характерно преобладание в целом положительной семантики слова «террор» в дискурсах XIX века, имеющей непосредственные смысловые взаимосвязи с революционной борьбой и соответствующим корпусом учений. Столь же ощутимо нарастание негативной оценки в толковании террора/терроризма в XX веке, когда их привязка к революционной традиции оказывается проблематичной. Сам концепт революции чрезвычайно мультиплицируется, а «террор» и «терроризм», постепенно автономизируясь от политического дискурса революции, становятся самостоятельными понятиями.

Вторая глава, которая носит название «Вехи развития исторической семантики «террора/терроризма»», касается рассмотрения нескольких наиболее смыслоемких изменений концептуальной конфигурации, связанной с исследуемым понятийным комплексом.

В параграфе 2.1. при анализе исторических документов (речей М. Робеспьера, прений в Конвенте и др.), аналитики и историографии Французской революции⁵ в свете обозначенных выше подходов выясняется, что в ходе революционной борьбы создается понятие террора, которое, во-первых, фиксирует в языке новые реалии применения экстремального политического насилия, во-вторых, служит инструментом рефлексии новой

---

⁵ В частности, ключевых для нас авторов: Минье Ф. История французской революции с 1789 по 1814 гг. М.: Изд-во Государственной публичной исторической библиотеки, 2006; Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. М.: РГГУ, 1997; Генифе П. Политика революционного террора 1789-1794. М.: Едиториал УРСС, 2003; Магун А.В. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2008

социально-политической реальности и даже в некотором роде орудием управления в революционном пространстве. С точки зрения социальной истории понятий, даже если политика систематического насилия и устрашения применялась в предшествующие эпохи, собственно «террор» возникает именно в контексте Французской революции, так как эта практика впервые оформляется как понятие. Вследствие этого появляется возможность суждения о его сущности и сознательное построение «политики террора» при помощи этого понятийного инструмента.

Семантическим ядром нового понятия становится понимание террора как метода устранения противников в контексте революционной борьбы, сопровождающегося созданием тотальной атмосферы страха в обществе. При этом революционный террор подразумевает синкретическое единство как политики революционной власти, так и насильственные действия толпы (массовые и индивидуальные). Впоследствии эти смыслы понятия «террор» разделились, однако в хронотопе революции между ними невозможно провести разделительную черту. Террор охватывает всех, пронизывает все слои общества, всю «плавающую» революционную социальность, становясь квинтэссенцией самой революции.

Революционный террор является своего рода парадигмой для всех последующих форм и видов «террора» и «терроризма». Однако ни «государственный террор», используемый вне революции легитимной властью, ни «индивидуальный террор» одиночек или малых повстанческих групп, направленный против стабильного государства, никоим образом не тождественны интегральному понятию террора революции, хотя исторически происходят именно из него. Эта дистинкция принципиально важна, так как в ходе дальнейшего развития эти понятия начинают утрачивать глубинную связь с революционной парадигмой, вследствие чего сильно меняется их семантика.

Параграф 2.2. посвящен возможности гегемонии революционного дискурса (и террора/терроризма как его экстремального элемента) вне

революционного хронотопа. В России второй половины XIX в. возникает ситуация агонального диалога между различными силами по отношению к террору. На фоне конкуренции различных дискурсов становится заметнее и очевиднее процесс установления дискурсивной гегемонии в поле политического (в смысле Ш. Муффа). Дискурс, в котором террор/терроризм выдвигается в качестве ключевого понятия, получает конкретную социальную локализацию и социального агента – он принадлежит радикальной интеллигенции, которая говорит от лица интеллигенции как таковой. В этом контексте «террор» получает дискурсивно-гегемонистский ресурс для того, чтобы еще долгое время сохранять за собой положительный смысловой ореол. Случай Льва Тихомирова⁶, бывшего народовольца, отрекшегося от революционной борьбы и ставшего радикальным монархистом, подтверждает, что даже при такой «смене веры» субъект продолжает реализовывать «нигилистическую» логику, которую он усвоил, «уходя в террор».

При этом происходит значительное сужение (специализация) значения понятия: «террор/терроризм» теперь означает метод индивидуальных политических убийств в условиях революционных действий вне реального хронотопа революции. Однако при такой узости значения понятие настолько тесно увязывается с революционной традицией, что возникает иллюзия революционного хронотопа и специализированное понятие подвергается вторичной генерализации: «террор/терроризм» становится контекстуальным синонимом революционного террора как такового.

Тесная связь с революционной парадигмой позволяет поддерживать героику революции, которая сочетается со своеобразным мифом о жертве в контексте «подпольной» субкультуры. Этот миф способствует резкому повышению культурно-антропологической значимости фигуры революционера. Виднейшие люди самых различных взглядов симпатизируют террористам, несмотря на сомнительную ценность самих терактов. Таким

---

⁶ Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером? М.: Типография Вильде, 1895.

образом, фигура героя обеспечивает аттрактивность революционного мифа, обусловившего гегемонию революционного дискурса в этот период.

В параграфе 2.3. мы прослеживаем, как в конце XIX – начале XX в. наблюдается, с одной стороны, аксиологический кризис изучаемого концепта, с другой стороны, формируется семантический прообраз современного понятия «терроризм». Это подразумевает понимание преступного характера подрывной деятельности, ориентированность террористов на использование средств массовой информации для создания резонансных событий, призванных «потрясти» общество, а также масштабное расширение «объектов» террористического насилия, в ряд которых попадают обыватели, и «адресатов» того «послания», которое заключено в нем как в коммуникативном акте. Наиболее ярко эти трансформации прослеживаются в «акциях» и декларациях французских анархистов-иллегалистов и их предшественника Равашоля (1890-е гг.), а также в кризисном, противоречивом отношении к террору эсеровских боевиков (Б. Савинков, И. Каляев и др.) 1900-х гг.

Но причина утраты авторитета террора заключается не в развитии публичной сферы и СМИ, а также не в повышении гуманизма и моральности общества. Моральная проблема террора существовала всегда. Но, например, у народовольцев (как свидетельствует Вера Фигнер⁷) было отчетливое ее оправдание отнесенностью террористического насилия к «чрезвычайному положению» революции. В исследуемый период нарастает дискредитация террора с моральной точки зрения и намечается его отрыв от легитимирующей революционной традиции. Эта тенденция будет углубляться в течение XX столетия и даст в итоге те смыслы, которые мы вкладываем в понятия «террор» и «терроризм», уже последовательно различая их.

---

⁷ Фигнер В. Запечатленный труд (После Шлиссельбурга). М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т.3. С. 153-163.

В параграфе 2.4. анализируется процесс начинающегося разрыва террора/терроризма с революционной традицией и начало системного размежевания самих терминов. Это семантическое расхождение между ранее взаимозаменяемыми словами «террор» и «терроризм», по нашим наблюдениям, намечается примерно к 1930-40-м годам. Они начинают соотноситься с различными полюсами социально-политического спектра. Первое из них все более ассоциируется исключительно с государственно-бюрократическим насилием, репрессивным аппаратом и полицейским режимом, – с системой власти, прибегающей к чрезвычайным мерам в отношении прав и свобод граждан. Терроризм же всё чаще рассматривается как антисистемная, подрывная деятельность, преступное насилие, как наносящее ущерб правопорядку, так и угрожающее жизни и здоровью граждан.

Мы помним, что оба значения, образующих смысловую оппозицию, берут начало в революционной традиции. Поэтому на рассмотренном нами примере становления сталинского государства, революционного по своей природе, но утратившего свой революционный исток, наиболее очевидна девальвация этих понятий. Слово «террор» в тезаурусе революционеров и ранее применялось к тирании государства, например, к самодержавию в России. Но, во-первых, речь всегда шла об отдельных насильственных мерах со стороны власти, а не о системе государственного насилия в целом. Во-вторых, такое употребление имело полемический характер в контексте революционной борьбы, в которой противоборствующие стороны «законно» прибегают к террористическим мерам, поскольку террор представляет собой неперенный компонент революционного насилия. И наконец, в-третьих, в случае сталинизма имеет место вырождение именно революционной власти, использующей ресурсы чрезвычайного положения вне реального повода для их применения (революции или войны). Насилие Системы становится

«мифическим» (в смысле В. Беньямина)⁸. В результате появляется возможность связывать понятие «террор» уже не с действиями революционных правительств и не с действиями деспотических властителей в контексте революционного противостояния (каким выглядело самодержавие в глазах русских террористов). Террор теперь связывается с рутинно-бюрократическим насилием, не имеющим никакого оправдания с точки зрения революционной борьбы. После II Мировой войны «террор» становится критическим термином, с помощью которого разоблачаются фашистские режимы, коммунистические диктатуры, а впоследствии – любые организованные государственные или общественные механизмы насилия.

Слово «терроризм» в этой новой смысловой конфигурации начинает означать не только акции боевых групп и акты индивидуального террора «снизу», концепция которого пережила глубокий кризис еще в начале XX века, но любую антиобщественную активность экстремистского толка вне зависимости от ее политической природы. «Террорист» становится универсальной фигурой социального Другого, безусловного врага современных обществ. Сталинизм со всей наглядностью обнаруживает перед нами парадоксальность этой фигуры. С одной стороны, она представляет реальную общественную опасность (реальное убийство Кирова 1934 г.). С другой стороны, она выполняет дестабилизирующую функцию в рамках государственной системы, оправдывая чрезвычайные меры в обществе. Если вынести за скобки чудовищные масштабы сталинского террора, думается, модель, сформированная им, остается актуальной и для современных государств, в том числе демократических, для которых применение чрезвычайного положения, в том числе в его террористических формах, становится «не исключением, а правилом»⁹ и даже «управленческой парадигмой»¹⁰.

---

⁸ Беньямин В. К критике насилия // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 87.

⁹ Беньямин В. О понятии истории // Беньямин В. Учение о подобии. С. 241.

¹⁰ Агамбен Дж. Номос сацер. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. С. 7.

Как показано в параграфе 2.5., в послевоенный период и особенно в 1950-80-е гг. в контексте интенсивного развития национально-освободительных и леворадикальных движений в странах Латинской Америки, Европы, Ближнего и Дальнего Востока происходит своеобразная актуализация понятия «терроризм» как антисистемного революционного сопротивления, стремящегося к коренному преобразованию современного общества. При этом, в соответствии с господствующей в протестной среде точкой зрения, революционеры борются не только за политическую власть, но и против «террора» и насилия, которые пронизывают все уровни социальной жизни, включая медиасферу, экономику (террор потребления), культуру и частную жизнь.

Возродившаяся симпатия к террористическим методам борьбы связана с их трансформацией как в плане практик, так и в плане дискурсивного оформления. Терроризм включается в новую парадигму революционной деятельности, получившую известность как «партизанская война» (Эрнесто Гевара) и как «городская герилья» (Карлос Маригелла). В некоторых случаях значение понятия «терроризм» сильно сужается и он рассматривается как один из тактических приемов герильи. В других случаях эти понятия отождествляются. В практике «городских повстанцев» (немецкой «Фракции Красной Армии», итальянских «Красных бригад», французского «Прямого действия» и т.д.) новое понятие, обладающее положительными коннотациями, эвфемистически замещает слово «терроризм» как скомпрометированное в ходе предшествующей истории социально-политических дискурсов.

В целом, в этот период можно констатировать преобладание позитивной оценки терроризма как в среде революционеров, так и среди симпатизирующих им людей. Это особенно показательно, так как именно в это время в мировом сообществе параллельно нарастает неприятие терроризма вне зависимости от его целей и стоящих за ним мотивов. Этот «контртеррористический» дискурс одерживает верх в 1990-2000-е гг., что

связано как со все большим выдвиганием на повестку дня борьбы с терроризмом, так и с внутренним кризисом революционного движения.

В **третьей главе** под названием «Инфляция понятий и проблема насилия в современном обществе» прослеживается судьба наметившихся тенденций в современный период.

Первый параграф посвящен рассмотрению процесса окончательной утраты исторической референции понятий «террор» и «терроризм» к революционной традиции, принадлежность к которой объединяла их в единый концепт в течение полутора столетий. Этот смысловой разрыв приводит к тому, что понятия деисторизируются, теряют свою «внутреннюю форму» и начинают применяться к предметам и явлениям, не имеющим никакого отношения к революционной борьбе. Понятие «террор» начинает означать власть полицейского государства, чрезвычайные полномочия которого не отсылают к легитимирующему событию революции. Даже в отличие от сталинизма такой террор может более не искать «мифической» основы в революционном праве. Позднее концепт «террора» распространится на более широкий круг означаемых: в 1960-70-е гг. говорят о терроре общественного мнения, экономической системы, массовой культуры, «четвертой власти» и т.д.

Слово «терроризм» несколько дольше сохраняет преемственность с революционной парадигмой значений, но и эта взаимосвязь стирается к последнему десятилетию века. В результате в рамках возобладавшего «контртеррористического» дискурса это слово начинает применяться к любым вооруженным атакам, которые происходят в рамках достаточно стабильного социального пространства. Следствием этого становятся различные контаминации ранее несовместимых дискурсов при описании принципиально различных феноменов, ныне определяемых понятием терроризм.

В параграфе 3.2. приводятся примеры семантической спецификации понятия «террор» в течение XX века. Историческая деконтекстуализация

концепта предоставляет возможности для различных идеологических манипуляций им в контексте конкуренции и конфликта политических систем середины – второй половины XX в., особенно продуктивных в годы Холодной войны и продолжившихся во время и после распада СССР. Либерально-демократическая мысль все это время подчеркивала тождество между современными формами террора (включая фашизм, военные диктатуры правого толка, и шире – любые формы тоталитаризма и диктатуры) и террором революции, игнорируя специализацию исторической семантики «террора» и последующую дифференциацию данных понятий¹¹. На наш взгляд, тем самым делалась попытка дезавуировать левую революционную мысль, сохраняя при этом благоприятный образ революции (без «якобинского эпизода»), давшей миру гражданские права и свободы, демократию и конституцию. Ясно, что такая селекция не способствует историческому пониманию террора и терроризма. И вопреки ей понятия во второй половине века живут своей жизнью, все дальше отрываясь от революционных референций и безмерно расширяя свои значения. Это приводит их даже к новой лингвистической взаимозаменяемости, когда слово «террор» превращается в сокращенную форму ставшего самостоятельным понятия «терроризм» в конструкциях типа «антитеррор». И наоборот, слово «терроризм» может использоваться в тех случаях, где ожидается употребление слова «террор» («Настоящие террористы сидят в Белом доме, Конгрессе и на Уолл-стрит»).

В параграфе 3.3. приведен пример того, как в современном дискурсивном пространстве осуществляется сочетание несочетаемого, являющееся симптомом десемантизации и девальвации террористического дискурса и соответствующего ему понятия, отрывающегося от своей исторической основы – революционного терроризма.

---

¹¹ В качестве примера подмены современного понятия «террор» понятием «революционный террор» целью дискредитации левого дискурса мы приводим книгу: Конквест Р. Большой террор: сталинские чистки 1930-х. Рига: Ракстниекс, 1991.

В рассмотренном примере американских милленаристских и сёрвайвелистских движений 1990-х гг. на уровне практик смыкаются различные виды ультралевого политического и ультраправого религиозного терроризма. На уровне риторических и идеологических стратегий ультраконсерваторы и радикальные христианские террористы апеллируют к Апокалипсису не только прямо, но и опосредованно – через отсылки к левой революционной традиции, для которой эсхатологизм и апокалиптика также являются имманентным историческим истоком. Однако в современном контексте глубокого кризиса революционной парадигмы такая отсылка к революции со стороны расистов и религиозных экстремистов является симптомом идеологической и – вероятно – мировоззренческой эклектики. Желая опереться на революционную референцию понятия терроризм, они, сами того не замечая, работают на еще большую ее дискредитацию. Это так хотя бы потому, что указание на религиозно-апокалиптическое происхождение левых идей традиционно является способом их деконструкции (этот ход замечен у Тихомирова, «веховцев», а также у В. Беньямина).

Работа завершается параграфом 3.4., где рассматривается преобладающий сегодня дискурс о терроре и терроризме. Несмотря на однозначный негативно-оценочный смысл этих слов, утвердившийся после трагедии 11 сентября 2001 г., обнаруживаются аксиологические противоречия, не позволяющие реализовать в полной мере инструментальный потенциал этих понятий в рамках «контртеррористической» политики современных государств.

Во-первых, продолжает свое призрачное существование фундаментальная неопределенность относительно оправданности насилия его целями: среди высказываний о разных видах терроризма фиксируется ценностное ранжирование тех или иных боевых организаций и совершаемых ими действий в зависимости от степени «благородства» их целей. Согласно нашей гипотезе, это происходит из-за того, что в современном общественно-

политическом дискурсе не учитываются принципиальные результаты исследования социальной и антропологической природы насилия (Ж. Сореля, В. Беньямина, К. Шмитта, Х. Арндт, Р. Жирара и др.).

Во-вторых, в силу того, что современные государства продолжают использовать выработанный в рамках отвергаемой ими революционной парадигмы инструментарий «чрезвычайного положения» в качестве стандартного управленческого метода, в глубине общественного сознания формируется устойчивое подозрение относительно террористического характера сегодняшней власти. Согласно этому «народному» мнению, по своей структуре представляющему собой конспирологический миф, террористов поддерживает государственный аппарат насилия с целью укрепления режима актуального или потенциального «террора» государства.

Из этих противоречий позволяет выйти последовательная историческая рефлексия природы террора и терроризма, включая понимание сущности политического насилия и современной власти. Такая рефлексия в 1990-2000-е годы началась в социально-философской мысли (работы Дж. Агамбена, С. Жижека и др.), а в наши дни начинает затрагивать и сферу общественного сознания, что мы попытались проследить на примере современного кинематографа¹² и некоторых фактах его зрительского восприятия.

В **Заключении** подводятся итоги проделанной работы и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Социально-философская история понятийного комплекса «террор/терроризм» позволила нам рассмотреть под единым углом зрения огромную традицию, в которой данный концепт играл спорную, проблематичную, но основополагающую роль. Зародившись в качестве своеобразной квинтэссенции революционной борьбы, во многом

---

¹² В фильмах 1990-х гг. «12 обезьян» Т. Гиллиама, «Бойцовских клуб» Д. Финчера еще до терактов 11 сентября формулируется «контртеррористическая» общественная гегемония. Склонность к терроризму сводится к психопатологиям, свойственных обывателям, а вовсе не «борцам за свободу». В фильмах «Дорога на Арлингтон» М. Пеллингтона и более позднем «V значит вендетта» по сценарию братьев Вачовски проблема террора и терроризма ставится уже более серьезно, в историческом ключе.

конституировавшей самую социальность эпохи модерна, террор/терроризм в течение около полутора столетий был тесно связан с дискурсами революции (прежде всего, с левым дискурсом). Во второй половине XX в., когда постепенно сходит со сцены модель тотальной социальной революции, происходит два важнейших поворота в истории понятия:

во-первых, прежде интегральное, синкретичное понятие распадается на два системно противоположных понятия, которые становятся, с одной стороны, критическим, с другой стороны, идеологическим инструментом дискурсов, действующих в рамках современного общества как Системы: если кто-то определяет оппозиционеров как «террористов», то в общественном целом обязательно есть те, кто упрекает государство в «терроре»;

во-вторых, дифференцировавшиеся таким образом понятия автономизировались от революционного дискурса, что способствовало их скорой девальвации и идеологизации этих понятий в качестве обозначения феноменов, враждебных современным цивилизованным обществам: «контртеррористический» дискурс распознает их как «своего Другого» (в случае с левыми повстанцами, право-религиозными террористами или сепаратистами) или как «внешнего Другого» (прежде всего, применительно к исламскому терроризму).

Проведенное исследование, на наш взгляд, способствовало выявлению специфических механизмов общественной борьбы, фиксирующейся в тех дискурсах, которые оперируют понятиями, подобными понятиям террора и терроризма, ключевыми для понимания современной социальности. Мы видели, что в некоторые эпохи в политическом поле занимали доминирующую (гегемонистскую) позицию дискурсы радикального преобразования мира. Тогда понятие революционного террора/терроризма могло использоваться и восприниматься не только в нейтральном, но даже и в положительном ключе. В наше время эти понятия фактически выведены за пределы дискуссионного поля в связи с идеологической доминацией жесткого охранительного дискурса. Однако начавшаяся дискуссия о природе

современного политико-правового насилия, об антропологической и морально-юридической неоправданности ставших привычными управленческих практик чрезвычайного типа делает эту проблематику террора/терроризма вновь дискуссионной.

Смена парадигмы сопротивления и протеста, смещение ее к моделям децентрализованности и социальной самоорганизации (организация протестных движений с использованием социальных сетей и технологий «умных толп»¹³, как это было во время «арабской весны» 2010-11 гг.), свидетельствует, что сегодня у традиционного революционного дискурса довольно мало перспектив. Поэтому насилие террористов в обозримое время, по всей видимости, будет искать для своего оправдания новую мифологическую основу. Многие указывают на то, что этой основой может стать религия в ее крайних, фундаменталистских версиях. Причем, гипотетически, это может быть отнюдь не только радикальный исламизм.

С другой стороны, с уходом в историю традиционной революционности в обществе остается все меньше уверенности в легитимности насилия, применяемого в рамках законных акций государства по подавлению тех или иных очагов сопротивления. Поскольку же это понимание сегодня далеко не является всеобщим, то завершение революционно-террористической традиции, сопровождающееся возникновением «мягких» технологий сопротивления, сулит нам либо перспективы нового социального диалога, либо новую аномию.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Замолодская О.М. Фантазм апокалипсиса в современном массовом кино // Вестник РГГУ. №13(56)/2010. Серия «Философия. Социология». М.: РГГУ, 2010. С. 53-62. – 0,5 а. л.

---

¹³ Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.

2. Замолодская О.М. Апокалиптический дискурс терроризма // Вестник РГГУ. №15(76)/11. Серия «Философия. Социология». М.: РГГУ, 2011. С. 31-38. – 0,5 а. л.

3. Замолодская О.М. (совм. с А.В. Корчинским) Революционное отступничество Льва Тихомирова и дискурс террора: анализ брошюры «Почему я перестал быть революционером?» // Вестник РГГУ. №17. Серия «Философские науки. Религиоведение». М.: РГГУ, 2012 г. С. 115-124. – 0,5 а. л.

Публикации в других научных изданиях:

1. Замолодская О.М. Социальная природа киноапокалипсиса // Материалы IV научной конференция «Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности», М. Институт бизнеса и политики, 2009. С. 39-48. – 0,3 а. л.

2. Замолодская О.М. Последний человек на Земле (очерк «катастрофического сознания») // Сборник материалов. «Гуманитарные чтения – 2009». Теория и методология гуманитарного знания. Гуманитарное знание и образование. М.: РГГУ, 2010. С. 231-246. – 0,4а. л.

3. Замолодская О.М. Рукотворный апокалипсис эпохи модерна (версия В.В. Розанова) // Дни аспирантуры РГГУ: материалы научной конференции. Материалы Круглого стола. Научные статьи. Переводы. Образовательные программы аспирантуры РГГУ. Вып. 4. М.: РГГУ, 2010. С. 271-275. – 0,2 а. л.

4. Замолодская О.М. «Образы Апокалипсиса и массовая культура». Перевод статьи Марвина Ф. Бендла. [Электронный ресурс] // Правая.ru. URL: <http://pravaya.ru/ks/18669> (дата обращения 06.05.2013).

5. Замолодская О.М. «Террор/терроризм»: понятие в различных контекстах // Дни аспирантуры РГГУ: Материалы научных конференций. Материалы Круглого стола. Научные статьи. Переводы / Минобрнауки России, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования «Рос. гос. гуманитарный ун-т» (РГГУ), Упр. аспирантурой и докторантурой. М.: РГГУ, 2012. Вып. 6, ч. 1. С. 376-381. – 0,2 а.л.